

АСКЛЕПИЙ И СВЯТОЙ ГЕОРГИЙ

Представленный на суд читателей сюжет посвящен эпиграфической и иконологической интерпретации каменной иконки с изображением конного змееборца¹. Этот памятник происходит из генуэзской крепости Солдаи, существовавшей на крымском побережье Черного моря во второй половине XIV – XV вв. Необычный образец лапидарной мнемотехники с редкой силой отразил смешанный этно-культурный *modus vivendi* средневековой «Генуэзской Газарии», как называли в латиноязычных источниках того времени побережье Северного Причерноморья, населенное греками, латинянами, потомками хазар, татарами и другими народами. Сегодня эта иконка является достоянием эпиграфической коллекции Архитектурно-исторического заповедника «Судакская крепость» (Рис. 1).

На каменном рельефе изображен всадник, восседающий на коне в развороте справа — налево, одетый в доспехи, поверх которых развивается плащ, увенчанный короной и нимбом над головой; левой рукой всадник держит копье, которым он наносит удар в голову змею, извивающемуся кольцами под копытами коня; острие копья поражает змея прямо в разверстную пасть, пронзает насквозь и выступает на затылке; в голове змея виден вонзенный обломок другого копья. С правой стороны (на взгляд смотрящего), на уровне головы всадника различается греческая надпись-граффити в две строки:

Ὁ Ἁγ[ι]ος
Γεώργιος
(Св. Георгий).

С левой стороны видны монограмма с ниже размещенной, контрактированной и к тому же сильно фрагментированной внешними разрушениями греческая надпись-граффити в две строки (вместе с мо-

¹ Каменная икона Св. Георгия; размеры: 21 x 18 x 7 см; известняк; место находки – г. Судак, башня Фьески; время находки – 1980 г. Хранится в Архитектурно-историческом заповеднике «Судакская крепость», инв. № 1825. В качестве аналога может быть назван кафинский рельеф Св. Георгия, опубликованный Е.А. Айбабиной, см.: Айбабина Е.А. Декоративная каменная резьба Каффы XIV – XVIII вв. Симферополь: Сонат, 2001. С. 46-49.

нограммой – три строки), которая может быть реконструирована и транскрибирована следующим образом:

Θεο[υ]
[του] Δ[ουλου] Δε[η]σι[ς]
[Θεόδ]ωρου
(Божьего раба молитва Феодора).

Первая надпись не оставляет сомнений в том, что рельефный всадник — Св. Георгий, а не, скажем, Св. Димитрий, или какой-нибудь другой из почти полусотни святых воинов, почитаемых в Византии¹ и на латинском Западе², и на иконе воспроизведен один из многочисленных канонов изображения этого святого — «драконоборчества»³. Но здесь нельзя не заметить характерных отступлений от канона: прежде всего, всадник в соответствии с католической монашеской практикой безбород, имеет прическу на латинский манер и облачен в панцирь латинского образца⁴; наконец, он увенчан короной, украшенной зубцами в виде лилий. По канону, Св. Георгий не изображался в короне; этим знаком Святой намеренно выделялся как κομης, благородный, аристократический предводитель христианского воинства в борьбе с неверными. Форма короны могла иметь аллюзию на геральдическую фигуру, встречающуюся в латинском искусстве блазонирования, в частности, в гербе генуэзского рода деи Франки, известного деятельностью в Крыму⁵. Но, пожалуй, еще удивительней лик Св. Георгия — он скуласт, с раскосыми, словно эпи-

¹ Soldaten-Heiliges // Reallexicon zur Byzantinischen Kunst / Hrsgb. von K. Wessel. Stuttgart, 1971. Lf. 15. Col. 1049-1061.

² Delehaye H. Le legends des Saints militaires. R, 1909.

³ Dictionnaire iconographique des monuments de l'antiquité chrétienne et du moyen âge / Ed. L.-J. Guénebaud. R, 1845. T. 2. P. 13-14; Dictionnaire d'archéologie chrétienne et la liturgie. P, 1913. Vol. 6. P. 1021-1029; Dictionnaire encyclopédique du christianisme ancien / Ed. A. Di Berardino. Genova, 1990. Vol. 1. P. 1032; La Bible et les Saints. Guide iconographique / Ed. G. Duche-Suchaux, M. Pastoureau. R, 1990. P. 156-157.

⁴ Представления о прическах, одеяниях, доспехах средневекового западноевропейского рыцарства дают латинские надгробные скульптурные изваяния XIII—XIV вв., см.: Die mittelalterlichen Grabmaler in Rom und Latium vom 13 bis zum 15 Jh. / Red. J. Garms, R. Juffinger und B. Ward-Perkins. Rom, Wien, 1981. Bd. 1. Abb 1-226.

⁵ Odenco G.L. Lettere ligustiche ossia osservazioni critiche sullo stato geografico della Liguria fino ai tempi di Ottone il Grande con le memorie di storia di Caffa ed altri luoghi della Crimea posseduti un tempo da genovesi e spiegati di monumenti liguri. Bassano, 1792. № 12, Skrzinska E. Inscriptiones latines des colonies génoises en Crimée // ASLSP. Genova, 1928. Vol. LVI. № 14, 50.

кантированными глазами, чем явно обнаруживает черты монголоидности.

Св. Георгий в равной степени почитался и христианами и нехристианами Понтийского региона как покровитель скотоводства и земледелия¹. Он был святым патроном как Византии, так и Генуи, обладавшей верховной, сюзеренной властью над генуэзскими поселениями в Крыму, и одновременно святым покровителем Кафы, утвердившейся в качестве главного центра всех генуэзских владений в Северном Причерноморье, уже известной читателю «Генуэзской Газарии». Под именем Джирджис он почитался у арабов, обитавших в крымских торговых центрах, под наименованием Уастырджи он был известен кавказцам, также проживавшим в портовых городах Крыма, под прозвищем Хызр он поминался тюркоязычным населением Кафы и Солдаи (современного Судака). Образ Св. Георгия рассматриваемой солдайской иконы отразил это феноменальное поликультурное сосуществование в пределах Генуэзской Газарии: антропологически он оказался подобием тюркского этнического окружения, лингвистически (судя по граффити) стал выразителем грекоязычной среды, а в военно-политическом аспекте отразил латинское доминирование.

Дабы постичь, хотя бы часть культурного смысла данного иконного образа, придется обратиться к георгианской агиографической традиции². Весьма противоречивые, порой причудливо мифологизированные сведения о Св. Георгии отыскиваются раньше всего у византийских

¹ О Св. Георгии существует обширная литература на различных языках, см. наиболее важные издания: *Кирпичников А. И.* Святой Георгий и Егорий Храбрый. СПб., 1879; *Хаханов А.* Грузинский извод сказания о Св. Георгии // Чтения общества истории Древней Руси. М., 1891. Вып. 4; *Рыстенко А.* Легенда о Св. Георгии и драконе в византийской и славянской литературах. Одесса, 1909; *Крачковский И.* Легенда о Св. Георгии Победоносце арабской редакции // Живая старина М., 1910. № 19; *Вилинбахов Т. В., Вилинбахова Т. Б.* Святой Георгий Победоносец. СПб., 1995; *Delehaye H.* Les Legendes grecques des Saints militaires. P., 1909; *Steketel Hülst C.* St. George of Cappadocia in Legend and History L., 1909; *Krumbacher K.* Der Heilige Georg in der griechischen Überlieferung // Abhandlungen der keiserlichen Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Abt. München, 1911. Bd. 25. H. 3; *Aufhauser J. B.* Miraculi Sancti Georgii. Lipsiae, 1913.

² *Bibliotheca hagiographica latina, antiquae et mediae aetatis* / [Ed.] Socii Bollandini. Bruxelles, 1898-1901. Vol. 1-2. № 3363-3393, *Bibliotheca hagiographica orientalis* / [Ed.] P. Peeters. Bruxelles, 1910. № 309-320, *Bibliotheca hagiographica graeca* / [Ed.] F. Halkin Bruxelles, 1957. P. 212-223, *Iconomou E.* Cos' è l'icona Oggetto liturgico oppure mezzo ermeneutico? Milano, 1994.

церковных авторов – св. Андрея Критского (†740), Григория Декаполита (†842), Симеона Метафраста (†960), Епифания Монаха (†1015)¹ и некоторых др. Культ святого с таким именем зародился в Палестине на рубеже IV-V вв., уже римский папа Геласий I (492-496) должен был заниматься вопросом признания святости Георгия, усомнившись в ряде его чудес, в Лидде сохранилась мраморная плита V в. с изображением и знаками мученика². На Западе вера в Св. Георгия получила широкое распространение со времени Первого крестового похода.

Согласно византийским текстам³, Георгий происходил из аристократического малоазиатского рода. В качестве его родины чаще всего называют Каппадокию, Пафлагонию или Палестину, но встречаются упоминания и ливийских центров. Все византийские авторы наделяют его незаурядными воинскими доблестями, отмечают успешную карьеру в римской армии, где он достиг немалой должности тысяцкого; как правило, он называется современником римского императора Диоклециана, отмечается, что он придерживался христианского вероисповедания и разделил участь многих героев эры мученичества. Жития⁴ повествуют, как Георгий выступил с резкими обвинениями против императора, который сжег в ночь на Рождество христианский храм в Никомидии вместе с несколькими тысячами верующих. Святой был схвачен, подвергнут мучительным пыткам и обезглавлен. Это произошло, как утверждает агиографическая традиция⁵, 23 апреля 303 г. Местом упокое-

¹ Sancti Andreae archiepiscopi Cretensis cognomento Hierosolimitani Encomium in Sanctum martyrem Georgium // PG. P., 1865. T. 97. Col. 1169-1192; Sancti Gregorii Decapolitae Sermo historicus // PG. P., 1865. T. C. Col. 1201-1212; Simeonis Logothetae cognomento Metaphrastae Martyrium Sancti et magni martyris Georgii // PG. P., 1864. T. CV. Col. 141-162; Epiphani Monachi hagiopolitae Ad modum descriptionis situs orbis, e narratio Synae, urbis Sanctae, et sacrorum locorum // PG. P., 1864. T. CXX. Col. 263.

² Saxer V. [St.] Georges // Dictionnaire encyclopedique du christianisme ancien. Genova, 1990. Vol. 1. P. 1032.

³ Acta Sanctorum / [Ed.] Socii Bollandini Antverpiae, 1675. Vol. 3. P. IX-XV, Simeonis Logothetae cognomento Metaphrastae Martyrium Sancti et magni martyris Georgii. Col. 143 sq.; Sancti Andreae archiepiscopi Cretensis cognomento Hierosolimitani Encomium in Sanctum martyrem Georgium. Col. 1178 sq.; Epiphani Monachi Op. cit. Loc. cit.; Bibliotheca hagiographica graeca. Vol. 1. P. 212-223; Vies des Saints et des Bienheureux / Ed. J. Baudot. P., 1959. Vol. 4. P. 591-595.

⁴ Simeonis Logothetae cognomento Metaphrastae. Martyrium Sancti et magni martyris Georgii. Loc. cit.; Constantinus Acropolita. Laudatio // AB. Bruxelles, 1933. T. 51. P. 271.

⁵ Bibliotheca hagiographica graeca. Vol. 1. P. 212.

ния стал палестинский город Лидда (по другим версиям Никомидия или Диаполис). День поминовения Святого стал одной из ключевых дат христианского календаря, знаменуя начало весеннего цикла пастушеско-земледельческих работ.

Определенно легендарный характер носят рассказы о мученичествах Св. Георгия: вначале он был привязан к колесу и прокатан над досками с гвоздями, но был снят с колеса самим ангелом живым и невредимым; затем ему на ноги были надеты железные сапоги с гвоздями внутри, раскаленные на огне докрасна, но он выдержал и эту пытку; после ему был дан напиток со смертельным ядом, однако святой оказался сильнее. В довершение мук он был приведен в храм Аполлона, где его принуждали отречься от христианской веры, но Георгий молитвенным словом смог сокрушить языческие идолы; наконец, по приказу императора ему была отсечена голова, но мученик, подхватив падавшую голову руками, продолжал какое-то время стоять в покорном обращении к Всевышнему. Характерными элементами предания были упоминания об обращении в христианство самих мучителей Георгия (упоминаются Анатолий, Протолеон, Афанасий), ставших свидетелями необыкновенной силы христовой веры; все они поплатились жизнью за последование Георгию. Помимо мощного проповеднического заряда, здесь отчетливо фиксируется фольклорный мотив трехкратного умирания и воскресения, преодоления смерти. Собственно говоря, Св. Георгий и был персонализацией животворящих сил природы, пробуждающихся весной и впадающих в сонное состояние осенью. Поэтому весеннему празднеству Св. Георгия, символически соотносившемуся с воскресением природного мира и приходившемуся на 23 апреля, очень скоро возникло дополнение в виде осеннего празднества, завершавшего активный земледельческо-пастушеский цикл, знаменовавшего умирание. Осенний праздник Св. Георгия стал отмечаться 3 ноября¹.

Этот второй день стал ассоциироваться с воспоминанием другого чуда Св. Георгия, приобретшего еще более мифологизированный характер — «чуда о змие», подвига «драконоборчества». Согласно житийной литературе², Георгий выступил спасителем города Ласии (иногда называется ливийский город Силена и даже Бейрут), страдавшего от поселившегося в озере страшного чудовища, которому жители города

¹ Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae / Ed. H. Delehaye. [Bruxelles], 1902. P. 297-301.

² *Aufbauer J.B. Miraculi Sancti Georgii...* S. 100-107.

обязаны были приносить кровавую дань. Однажды в жертву дракону была предназначена дочь городского правителя. Облаченная в багряницу, она была приведена на берег, и в этот миг ее, плачущую, увидел проезжавший мимо на коне Георгий. Он сразил монстра, освободил девушку, как триумфатор был встречен в городе. На той земле он основал первую христианскую церковь, служить в которой стала спасенная девушка; христианскую веру приняли и остальные жители. В латинской версии предания, вошедшего в «Золотую легенду» Джакомо из Ворагина (1230-1298)¹, подвиг освобождался от brutальных сцен кровавого боя, переходя в область непостижимого *miraculum*: Георгию не пришлось обнажать меч, он сакральным словом укротил зверя, связал его выю женским поясом и заставил идти на привязи вслед за слабой женщиной вплоть до города; там, на главной площади, в присутствии всего народа герой убил дракона.

В этом эпизоде Св. Георгий стал воплощением идеала рыцарственности, призванной защищать слабых и невинных, карать безусловное зло, восстанавливать справедливый и законный порядок. Кроме того, подвижничеством Святой выражал идею подавления языческого прошлого, миссионерского служения и утверждения истинной веры - христианства. Наконец, связь чуда с освобождением города, основанием первой церкви превращала Св. Георгия в устроителя новой *civitas*, носителя идеи новой государственности. Не удивительно, что Святой как триумфатор, восседающий на коне, стал геральдическим символом Византийской империи, Руси, как уже отмечалось, Генуи, нередко называвшейся «Республикой Сан Джорджо», и крымской Кафы.

В обозначенном контексте требует особого понимания увенчанность короной Св. Георгия на солдайской иконе. Коронованный всадник-змееборец рассматриваемого рельефа являлся не столько победителем над иноверием, упрочителем истинной веры (все же в его образе акцентируется совмещение латинско-греческо-ориентальных черт), сколько невольным выражением идей суверенизации своеобразного континуума Генуэзской Газарии, когда различия между проживавшими на одной территории католиками и православными, христианами и нехристианами оказывались менее существенными, чем противоречия между генуэзскими колонистами и генуэзцами *madrepatria*. Идеи автономии Кафы и ее владений усиливались в конце XIV в., что ощутимо по составлению кафинско-крымских договоров 1380—1381 и 1387 гг., на-

¹ *Jacobus de Voragine. Legenda aurea / Ausg. von J.G.Th. Graesse. Melle, 2003.*

рушению регулярных связей Кафы с Генуей, обращению к практике самостоятельного избрания глав городской власти и т.п.

В Кафе культ Св. Георгия находился под особой опекой городских магистратов и становился в некотором смысле консульской привилегией и консульским культом. Праздник Св. Георгия, как весенний, так и осенний, был, пожалуй, главным в городе и округе, поскольку в отличие от Рождества и Пасхи, отмечающихся только христианами, к тому же, православными и католиками в разные дни, он объединял всех горожан без различия этно-конфессиональной принадлежности. Торжествам предшествовала тщательная подготовка, из бюджета Кафы выделялись деньги на подкрашивание официальных рельефов Св. Георгия на консульском дворце и крепостных башнях. В ходе праздника устраивалась пышная процессия во главе с консулом, правителем Кафы и генуэзской Газарии, восседавшим на белом коне; он выезжал за главные городские ворота, совершал ритуальную охоту на дикого зверя, а затем с триумфом возвращался назад; после чего устраивались пиршество и фейерверки. Консул в этом действии, определенно, отождествлялся со Св. Георгием, и коронованность Святого отражала связь с государственной идеологией. Присутствие подобной атрибутики на иконе, происходившей от частного лица, некоего Феодора, о чем свидетельствует вторая надпись, говорит о влиянии более значимого образца, созерцавшегося каждым жителем города на башнях и консульском замке Солдаи.

Исследователи не раз обращали внимание на связь идейной образности Св. Георгия с дохристианскими мифологиями Востока, Эллады и кельто-германского мира¹; мотив «змееборчества» находил аналогии в подвигах древнеегипетского Ра, месопотамского Мардука, индоарийского Индры, иудейского Яхве и эллинского Аполлона; идея борьбы с силами зла, спасения слабой, прекрасной девушки находила параллели в деяниях легендарных героев – шумерского Гильгамеша, эллинских Персея и Ясона, кельтского Беллерофонта и древнегерманского Сигурда; умирание и воскресение героя оказывается повторением архетипических сюжетов о древнеегипетском Осирисе, эллинском Дионисе и древнегерманском Одине, сопровождавшихся соответствующими мистериями. Обозначались истоки некоторых черт георгианской агиологии в древних культах теургических богов, покровительств-

¹ Рыстенко А. Указ. соч.; Delehaye H. Op. cit.; Steketel Hülst C. Op. cit.; Krumbacher K. Op. cit.; Aufhauser J.B. Op. cit.

вовавших земледелию и скотоводству.

Среди мифологических и фольклорных истоков культа Св. Георгия не следует забывать почитания эллинского Асклепия, или римского Эскулапа, бога врачевания¹. Асклепий, как известно, считался сыном бога Аполлона и нимфы Корониды. Он появился на свет не только как плод любви, но и возмездия: изменившая Аполлону нимфа была убита и предана сожжению; из ее чрева, прямо из погребального костра и был извлечен младенец, нареченный Асклепием и отданный на воспитание мудрому кентавру. Всаднический статус Св. Георгия, восседавшего верхом на коне, определенно, обнаруживает соответствие в асклепиевом содружестве с кентавром Хироном, у которого он обучался тайным знаниям жизни и смерти. Верхом на кентавре Асклепий, по преданию, провел годы своего ученичества. Георгиево борение с драконом при помощи копья оказывается аллюзией на укрощение и приручение змеи Асклепием, использовавшим для этой цели жезл; способность Св. Георгия переносить смертные муки выступает трансформацией обращенного на самого себя асклепиева дара воскрешать умерших, за что божественный целитель был поражен молнией Зевса; правило обязательного употребления в пищу петушиного мяса на общенародном пиру по случаю дня Св. Георгия, как утверждал кафинский устав 1449 г., оказывалось отзвуком древнего обычая жертвоприношения петуха в дни почитания Асклепия.

Куль Асклепия – Эскулапа был довольно широко распространен в эллинистическую и римскую эпохи в Причерноморье, где устраивались святилища – асклепийоны²; там совершались инкубации – ритуалы священного сна, во время которого больные исцелялись. В этих святилищах хранились многочисленные дары тех, кто вылезился от тяжелых недугов. Среди разнообразных votivных предметов обращают на себя внимание каменные рельефы так называемого «Фракийского всадника», встречающиеся на территории Болгарии³. По форме, характер-

¹ Надь Г. Греческая мифология и поэтика. М., 2001; Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. Боги и герои Древней Греции. М., 2002; Вен П. Греки и мифология: вера или неверие? М., 2003.

² Doncheva J. Le temoinage le plus ancien du culte d'Asclepios dans les terres Bulgares // Thracia. Serdicae, 2000. Vol. 13. P. 73–77; Дончева И. Инкубацията в култа към Асклепий // Епохи. Велико Тырново, 2000. Г. 8. № 1. С. 79-90; Ильина О.М. Култ Асклепия в античных городах Западного Понта в римский период // Иресиона. Античный мир и его наследие. Белгород, 2002. С. 34–44.

³ Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / Ed. G. Mihailov. Serdicae, 1958. Vol.

ному овальному верху, размерам, изображению всадника в плаще с поднятой рукой, метнувшей дротик, они подобны солдайской иконе Св. Георгия; правда под копытами коня изображался, как правило, кабан, более привычный фракийскому ландшафту, реже – некое подобие льва, неизвестного местному зоомиру, и лишь в единичных случаях – змея¹. Что касается надписей, то сверху, на самой овальной раме рельефа обычно вырезалось имя Асклепия, бога, к которому обращались с просьбой об исцелении, а внизу – имя просителя.

Характер граффити солдайской иконы, словно бы, воспроизводит этот древний понтийский архетип, в котором имя Асклепия оказалось замещенным именем Св. Георгия, а верхнее и нижнее расположение надписи уступило место правому и левому ее размещению: справа (это более высокая сторона) – обращение к Святому Георгию, у которого ищут защиты и заступничества, избавления от напастей, прежде всего, болезненных, слева (что соответствует низшей стороне) – имя дарителя, Феодора, со словами благодарственной молитвы за помощь. То есть, рассматриваемая икона со змееборцем должна восприниматься в контексте определенной традиции сакрального обмена, отдаривания культового учреждения и божественного лица, наделенного невероятной, трансцендентной силой, за возвращение к жизни, традиции, имевшей весьма глубокие исторические корни в крымском регионе.

Summary

This article researches the stone icon of fourteenth century from Italian Soldaia (now Sudak in the Crimea). On it has been depicted a rider on horseback, who kills the snake with the spear. On the right are incised graffiti in two lines at head level: "Ο Ἀγ[ι]ος Γεώργι[ος]". At the left are visible the monogram, and graffiti in two lines: "Θεο[υ] [του] Δ[ουλου] Δε[η]σι[ς] [Θεοδ]ωρου".

The inscription confirms that the rider is Saint George, and not any of forty Byzantines saints warriors. Here is reproduced the scene of "draconomachia". The knight was without a beard; the headdress and armour are latin (look pieces covering the shoulders – *épaulières*; pieces covering the thighs – *cuissarts, cuissards*; and pieces covering the leg below the knee – *jam-barts*). On his head there is a crown of lilies; the form of the crown is remi-

2. № 552-555, etc.

¹ Ibid. № 554.

niscent of a heraldic figure of the Genoas family dei Franchi. This family was known in Latin Romania, in Crimea, Caffa and Sougdaia. The person has high cheek-bones and slanting eyes, just as a tatar.

Saint George was esteemed by Christians and non-Christians; Arabs and Turks recognized him under the name Khyzr or Dgirdgis. The figure has highlighted polycultured coexistence on the periphery of Pax byzantina: linguistically he has reflected the Greek environment, anthropologically personified Turkic inhabitants and politically expressed Latin domination.

A crowned Saint George riding on horseback specified a cult of Genoa's consul, who had governed in Caffa and in Sougdaia. The consul imitated Saint George in public ceremonies. He rode out on Saint George spring holiday, carried out ritual hunting for a wild animal, then came back triumphant. The townspeople arranged a grand welcome for him. The holiday was accompanied by a national feast and fireworks.

The crowned horseman expressed idea of sovreignisation of Genoa's Gazarien in wich the contradictions between Christians and non-Christians, and between Catholics and Ortodoxes, would be smoothed out.

Рис. 1. Каменная икона с рельефом Св. Георгия.